

БИБЛИОТЕКА ВСЕМИРНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Серия первая
Литература Древнего Востока, античного мира,
средних веков, возрождения. XVII и XVIII веков

ГЕРОИЧЕСКИЙ ЭПОС НАРОДОВ СССР

Том второй
Издательство "Художественная литература".
Москва. 1975

СОРОК ДЕВУШЕК

Каракалпакский народный эпос

РУИНЫ ГОРОДА САРКОП

Возвратимся, друзья мои,
В тесный круг Сорока подруг,
Сорока сестер Гулаим;
Подивимся, друзья мои,
Силе и красоте ее;
Постоим, друзья, поглядим,
Как сверкает солнечный блик
На чеканном щите ее,
Как весельем пылает лик
Пери подобной Гулаим,
И заслуженную хвалу

Статной дочери Аксулу
 В умилении воздадим.
 Травы приминая в степях,
 Снежный прах взметая в горах,
 Сорок дней и сорок ночей
 Вдалеке от своей земли
 Сорок девушек провели.
 Сорок дней и сорок ночей
 Радовались воле своей,
 Закаляя борзых коней
 И участь ремеслу войны.

Молвит наконец Гулаим:
 «Ну-ка, милые, поглядим —
 Хорошо ли закалены
 Ваши резвые скакуны,
 Поглядим — на что вы годны!
 Время ветру подставить грудь,
 Время, сестры, в обратный путь!»

Мчатся девушки на конях,
 Привставая на стременах,
 Стрелы тонкие вдаль меча,
 Плотный воздух рубя сплеча.

Мчится Гулаим впереди,
 Актамкера камчой хлеща,
 И неведомо ей самой,
 Отчего у нее в груди
 Сердце храброе, трепеща,
 Полнится тревожной тоской,
 Отчего за слезой слеза
 Набегает ей на глаза?

Чем быстрее скачет она

И чем ближе страна Саркоп,
Тем сильнее плачет она,
И горит Гулаим, бледна,
Словно утренняя луна.
Бьет ее озноб,
Влажен лоб,
Руки у нее — точно лед;
Стонет Гулаим, слезы льет...
Сорок девушек ей кричат:

«Что с тобой, сестра, погоди!»

Мчится Гулаим впереди,
Не оглядывается назад,
Сорок девушек мчатся в ряд
И не могут ее догнать...
В льдистом вихре, в снежной пыли
Первый луч сверкнул над землей.
Гулаим на Миуели
Прискакала ранней зарей.
Огляделась она вокруг —
Вскрикнула...
Прямой, как стрела,
Стан ее согнулся, как лук.
Стремена потеряла вдруг,
Выронила поводья из рук
И, лицом, словно снег, бела,
Свалилась с седла.
Здесь был враг,

Песок перерыт
Множество копыт.
У ворот
Раздувает ветер степной
Черный иноземный шатер.

На воротах стальной запор
 Весь в царапинах.
 Вбит в замок
 Иноземный кривой клинок
 И оставлен так.
 Враг не мог
 Сбить замок и запор сломать,
 Крепость Гулаим разметать, —
 Загрязнил островной песок
 И ушел без добычи вспять.
 Девушки рыдают, скорбя
 О родимом эле своем,
 И, услышав стенанья их,
 Причитанья-рыданья их,
 Забытье свое одолев,
 Гулаим приходит в себя,
 И все ярче огнем живым
 Разгорается взор ее.
 Озирается, словно лев,
 Опирается на копье,
 Подымается Гулаим
 И, к сорока подругам своим
 Обращаясь, говорит:

«Юницы-батыры, сестрицы мои,
 Подружки мои, соколицы мои!
 Крепитесь! Настал испытания час,
 А вы проливаете слезы из глаз.
 Не лучше ли стан свой стянуть кушаком
 И — на конь, чтоб вихрем лететь за врагом,
 К седлу прирасти хоть на месяц пути,
 Без усталости мчаться и ночью и днем.

В Саркоп! — если город еще не сожжен,
 И в городе враг... Если двинулся он —

Догоним в пути, перебьем, истребим,
 Оставшихся вживе — захватим в полон!
 Не плачьте, батыры, и смело вперед!
 Нам кони — надежда, мечи — наш оплот.
 Коль родичей наших угнал Суртайша,
 Мы выйдем на бой и умрем за народ.

А если он станет рабом Суртайши —
 Как дикие звери в пустынной глуши,
 Мы воем па сирой земле изойдем...
 Батыр без народа — что плоть без души».

Девушки в ответ Гулаим
 Говорят:

«Прости нам, сестра,
 Слезы наши: смутились мы,
 Растерялись мы в трудный час.
 Не кори нас, о Гулаим!
 Научи, как нам быть теперь.
 Мы сердца свои укрепим,
 Больше ни слезы не прольем,
 Разгоримся твоим огнем,
 В том огне мечи закалим,
 Прикажи умереть-умрем!»

Смоляные брови свои
 Гулаим свела,
 Точно два крыла.
 Грозный вид она приняла
 И сказала так:

«...Здесь мужали мы и росли,
 Чтобы лечь костями за народ,
 Здесь, вдали от зла, провели

Не один безмятежный год.
Земно поклонитесь гнезду,
Где окрепли ваши крыла,
Крепости воздайте почет,
Сорок верных моих подруг;
Выкопайте стрелы в саду
И возьмите из тайников
Сорок необорных кольчуг,
Сорок беспорочных клинков,
Сорок золотых шишаков,
Сорок луков, сеющих страх,
Бьющих за семь тысяч шагов,
Сорок седел о стременах
Среброзвучных, как соловьи,
Снаряжайтесь в дальний поход
И — вперед, тигрицы мои,
Милые сестрицы мои,
На врага, за родной народ!»

Ярко блещут шишаки,
На ветру щиты гудят —
Через Красные Пески,
Строй держа по восемь в ряд,
Сорок соколиц летят,
Сорок девушек верхом
Следом за своим вожаком
Скачут в город напрямик
И широкие пески
Озирают из-под руки.

«Да, погулял здесь враг,
Но широким Красным Пескам,
С кровью красной пополам
Красный прах смешил — и ушел.
Не было здесь прежде холмов,

Место было ровным, как пол,
 А теперь — не пройти коням:
 Воронье снует по холмам,
 Сложенным из мертвых голов,
 Мясо мертвое клювом рвет,
 Очи мертвые жадно пьет,
 Бьет крылом о кровавый лед
 И шакалов на той зовет...

Здесь — растоптанные конем,
 И обугленные огнем,
 И заколотые копьем
 Крепко спят на мерзлой земле.
 Там, как тополя на юру,
 Чуть покачиваются на ветру
 Задохнувшиеся в петле.
 Там — белеют кости в золе...»

Среди руин мертвого города Гулаим встретила истерзанных горем стариков. Они рассказали о трагической участи беззащитного Саркопа. Именитые мужи города — Саимбет-стрелец, Еримбет-храбрец, Шеримбет-гордец, Баимбет-батыр, а также шесть родных братьев Гулаим, не подняв мечей против врага, трусливо сдались, и трупы их до сих пор лежат в луже крови на растерзание хищным птицам и зверям. Гулаим говорит гневно:

«...Оскорбленной земли своей
 Грудью не заслонившим —
 Позор!
 Отчему народу мечом
 В битве не послужившим —
 Позор!
 Отступившим перед врагом,
 Меч свой уронившим —

Позор!
 Трусам, сдавшимся в плен живьем,
 Родине изменившим,—
 Позор!»
 Глянули вослед старики —
 Никого, кроме них, кругом
 Голубая клубится мгла,
 Мелкий снег мелькает во мгле,
 Спит Саркоп непробудным сном,
 Спит, как мертвые спят в земле...

МЕСТЬ СОРОКА СОКОЛИЦ

Трудные пришли времена.
 Кони ржут, звенят стремяна,
 Льется кровь, становья горят,
 Гибнут мирные племена,
 Разоренный стенает край...
 Догорает рдяный закат,
 Кони ржут, стремяна звенят,
 Не смолкает вороний грай.
 Благородная Гулаим
 С боевым отрядом своим
 Шла в такой густой темноте,
 Где лисе — и той не пройти,
 По такой крутой высоте,
 Где и соколу нет пути,
 Сквозь такие заросли шла,
 Где и мыши не проползти.
 Долго не сходила с седла
 Девушка-батыр Гулаим —
 По седым степям,
 По крутым горам,
 По густым лесам,
 По снегам

Днем и ночью подруг вела.
На лету Гулаим-батыр
Озирает пустынный мир.
От засыпанных снегом гор
Вплоть до моря — степной простор
Дымным пепелищем лежит,
Сиротой и нищим лежит.

О, кровавая стезя
Неминучей беды!

Нельзя
Счесть почивших последним сном.
На дорогах и у дорог
Спят-лежат в пуху снеговом
Те — без рук, а эти — без ног,
Обезглавленные мечом,
Обесславленные палачом...

Поле поражения! Твой вид
Сердце робкое леденит;
А батыр, взглянув на тебя,
О народе своем скорбит,
Отомстить клянется, скорбя,
Соль народных слез, желчь обид,
Ссадины от жгучих плетей,
Смерть батыров и плач детей.

И склонила девушка лик,
Пожелтевший, словно шафран,
И, на снег соскользнув с седла,
Поле бранное обошла,
Возле каждого мертвеца
Причитала, слезы лила,
И легла на ее чело

Ночь печали, а сердце жгла
Жажда мести...
Потом в седло
Прянула она, как стрела,
И помчались, как вихрь, за ней
Сорок сверстниц ее,
Сорок разъяренных тигриц,
Сорок мстительных соколиц,
Сорок смелых ее подруг.
Прискакали они к морским
Берегам,
И открылся им
Животрепещущий сапфир
И колеблющаяся вязь
Волн.
Тогда Гулаим-батыр,
К девушкам своим обратясь, Молвила:

«Орлицы мои,
Спутницы-сестрицы мои,
Здесь мы остановим свой бег,
Восстановим силы свои.
Жалко мне, что я человек:
Прянуть бы в морские струи.
Плыть бы мне напрямик в Мушкил
Змеем водяным и напасть
На врага...
Утолиться всласть
Местью...
Нам стольких сил
Стоил наш некороткий путь,
Что его прервать мы должны
У границы вражьей страны.
Пастбища степные щедры,
Здесь дадим коням отдохнуть.

Спешимся, раскинем шатры,
Но не станем сиднем сидеть,
Будем по сторонам глядеть,
Всю окрестность мы облетим,
Что за местность — мы поглядим...»

Так промолвила Гулаим,
И по слову старшей сестры
Сорок верных ее подруг
Белые разбили шатры,
Разнуздали потных коней,
Спать легли. А ранней зарей,
Сев на быстролетных коней,
Понеслись по степи седой...

А в степи, как тяжелый дым,
Снежный столп навис над землей.
И воскликнула Гулаим,
Привставая на стременах:
«Девушки-сестрицы, вперед,
Смелые орлицы, вперед!
Изымите из сердца страх,
Мщенью наступает черед!»

Актамкер полетел стрелой,
Степь и та рванулась за ним,
А в седле джигит удалой —
Азраил — батыр Гулаим,
А вослед за ней — скакуны,
Гривы по ветру взметены,
И на каждом — дева-джигит,
Повторенный образ луны.

Грозно пред лицом Гулаим
Загудел костер снеговой,

Туча, словно тяжелый дым,
Закружилась над головой,
По глазам бичом ледяным,
Злобствуя, хлестнула пурга:
Длинной чередой
По степи седой
Шел большой караван врага.

Свистнула по-птичьи камча,
Взвился конь на дыбы, горяч,
Заходила степь, рокоча,
Молния слетела с меча,
И как вихрь — наездница вскачь

Был ужасен праведный гнев,
Озаривший ее лицо.
Сорок девушек, налетев,
Караван замкнули в кольцо.
Астраханские берега
Кровью вражеской окропив,
Наступив
На горло врага
В сталь обутой, твердой стопой,
Гулаим увидела вдруг
Ханских пленников пред собой:
Руки — связаны за спиной,
Ноги слабые — в кандалах,
На зияющих ранах — гной,
А на лицах — смертельный страх.
Сорок девушек и одна
Пленных бросились обнимать;
Каждая из них, словно мать,
Ласкова была и нежна.
Крепко целовали — живи!
Раны врачевали — живи!

На измученные сердца
Проливали бальзам любви.
А потом огонь развели,
Верблюжатины принесли,
Облитые жиром куски,
Щедро посолив, испекли.

И саркопские старики
Говорили:

«От злой судьбы Златокованным щитом,
Львиной храбростью своей
Ты прикрыла нас, Гулаим.
Слуги мы тебе и рабы,
Вы, друзья по плену, дружней
Снаряжайте караван,
К трудному готовьтесь пути:
Суртайши разбойничий стан
Гулаим поможем найти!»

Слышен гул негромких речей,
Мерный звон мечей и стремян:
День и ночь — семь дней и ночей —
По степи идет караван...
И в начале восьмого дня,
Высока и, как мир, стара,
Рдяный небосвод заслоня,
Показалась Дербент-гора.
Сшиблись конные — меч о меч.
Крови вражеской — течь да течь!
Стоном застонала земля,
Покатились головы с плеч.

В воздух ввинчивались пращи,
Воя, скрещивались мечи,

Небосвод почернел
От пернатых стрел,
Снег — от окровавленных тел.
Сорок девушек и одна
Думали: победа видна —
Поредели вражьи полки,
Притупились вражьи клинки...
На поверку вышло не так:
Пуще раззадорился враг,
В бой бросает за ратью рать,
Не желает зря умирать.
И еще всю ночь до утра
Сотрясалась Дербент-гора.

А когда совсем рассвело,
То увидела Гулаим,
Что батырам ее троим
Роковую свою печать
Наложила смерть на чело.
И тогда, боясь потерять
Над рассудком власть,
Закричать,
Замертво упасть,
Гулаим с седла
Тяжело сошла,
Вниз лицом на снег,
Застонав, легла,
Косы расплела,
Говоря:

«Не надо мне хлеба, не надо огня,
Ни света, ни мрака, ни ночи, ни дня!..
Кровавый разбойник, палач Суртайша,
Ты отнял батыров-сестер у меня!

Клянусь благодатного солнца лучом,
Кипучей рудой и разящим мечом,
Дочерней любовью к Саркопу клянусь —
Расправа близка с Суртайшой-палачом!»

И пока причитала так
Над подругами Гулаим,
Черной злобой одержим,
Грозный враг
Собрал в кулак
Разобщенные полки,
На саркопцев лавой пошел,
Кровью переполняя дол.

Гулаим рубила сплеча,
Била, стаскивала с седла
Диких ратников Суртайши.
Ликовала, конем топча
Их растерзанные тела.

Дева храбрости — Сарбиназ
В этом незабвенном бою
Сотни сотен и сотню раз
Обагрила кровью их
Смуглую десницу свою.

Поглядим на остальных
Соколиц-тигриц Гулаим,
Храбрым девушкам воздадим
Всенародную хвалу,
Рядом с ними в бой пойдем,
От шеломов их золотых
Меч, секиру, копьё, стрелу
Отведем
Крылатым стихом.

Бой гремел семь дней и ночей,
Стало тесно от мертвых тел.
И никто семь ночей, семь дней
Не поил, не кормил коней,
Сам не пил, не спал и не ел.
На исходе восьмого дня
Силы стали ослабевать:
Гулаим валилась с седла,
Сарбиназ давила броня —
Стало трудно им воевать.
А когда рассеялся мрак
И девятый день наступил,
Кровью истекающий враг
Сталь булатную иступил.
И тогда зарыдал вожак,
Бросил меч и промолвил так:

«Говорили тебе, дурак Суртайша,
Зря затягиваешь кушак, Суртайша!
Не губи народ, не готовь себе гроб,
Не ходи на Саркоп, ишак Суртайша!

А теперь твоим воинам — души прочь,
Прямо в зубы шайтану, в огонь и в ночь,
А теперь нас повергла во прах и страх
Золотого Саркопа грозная дочь.

Да сгниешь ты живьем, да сгоришь огнем,
Сам сожрешь ли себя — слезы не прольем,
Не устроим поминок, устроим той,
На твоём погребеньё плясать пойдём!»

Вытер слезы, тяжело вздохнул,
Меч свой поднял, в ножны вложил,

Ханских ратников повернул
От Дербент-горы на Мушкил.
Гулаим с отрядом своим
Долго их по степи гнала —
По снегам голубым,
По тропам глухим...
Отступающих Гулаим
Голыми руками брала.
А когда исчезли из глаз
Низкорослые кони их,
Гулаим и Сарбиназ
Повернули спутниц своих
И помчались к Дербент-горе,
Где теперь тишина была,
Где в крови, на серебре,—
На широком снежном одре,
Мертвые лежали тела.
Гулаим велела найти
Раненых батыров-сестер,
Приказала разбить шатер
И в шатер их перенести.
Девушки сновали вокруг
Изнемогших своих подруг,
Словно ласточки над водой.
Развязав тугие ремни
Обагранных кровью кольчуг,
Нежно врачевали они
Раны тяжкие семерых
Дорогих подруг своих.

Трех погибших в этом бою
Под горой они погребли
Вдалеке от Миуели,
В чужом неприютном краю.

Говорит Гулаим-батыр:

«Павшим — вечный покой и мир.
 Славу их людская молва
 Разнесет по стране родной.
 На могилах этих весной
 Разрастется плакун-трава.
 Ох, и тяжело мне, горько мне!»

И еще такие слова
 Произносит Гулаим:

«Из смертного плена не вырвать подруг,
 В обители тлена ни встреч, ни разлук,
 Ни гнева, ни скорби, ни света, ни тьмы...
 О сестры, я плачу: редет наш круг.

Земля холодна, тяжела и черна.
 Да будет, подруги, вам пухом она.
 В обители смерти рождается жизнь,
 Печалью крепка и слезами сильна.

Редет наш круг. Но за родину-мать
 Не жалко и юную душу отдать.
 По-прежнему сорок батыров со мной,—
 И что нам, бессмертным, вражеская рать!»

Тут склонились ниц
 До земли
 Сорок девушек-соколиц,
 Сорок молний Миуели.
 Говорит саркопский старик,
 Бывший пленник Суртайши:

«Не горюй, Гулаим-батыр,

Мужества тоской не круши.
Обрати на меня свой лик,
Не гляди, что я стар и сир,
Я душой и телом не слаб.
Если нужен слуга и раб,
Дай мне знак, прикажи, пошли, —
Я пойду хоть на край земли!»

Говорит батыр Гулаим:

«Отправляйся к моим врагам
В окаянный город Мушкил.
Ты в оковах томился там,
Слезы лил, бедовал-тужил...
Много там саркопцев найдешь —
Обними их, поведай им,
Что вослед за собою ждешь
Избавительницу Гулаим.
Передай саркопцам: иду!
Не рукой беду разведу,
А копьем, стрелой и мечом
Расквитаюсь я с палачом!»

И ушел посланец в Мушкил...
В это время закат остыл,
И укрылись девы в шатры
У подножья Дербент-горы.

Вечер зажигает звезду,
Землю прикрывает щитом...
А б том, что было потом,
Завтра я рассказ поведу.

Вечер зажигает звезду,
Время заглушает беду...

ВОЗМЕЗДИЕ

Говорит кобызу певец:

«Пой, кобыз громовитый мой,
О страданиях земли родной,
Пой, кормилец верных сердец!

Я с тобой — средь мертвых живой,
Без тебя — средь живых мертвец».
Лад найду,
Певучую речь
О былых делах поведу...
По степям седым,
По тропам глухим,
Где по снегу, а где по льду,
Вспять уходит от жарких сеч
Дикая орда Суртайши.

Редкая борода Суртайши
Затряслась от гнева, когда
Возвратились в город Мушкил
Всадники без коней,
Пращники без пращей,
Меченосцы без мечей,
Лучники без луков и стрел,
Соколы без крыл,
Силачи без сил.
Суртайши рассвирепел,
Всех схватил, кто остался цел.
Всех схватил, посадил на цепь.
Никого не пускает в степь.

А саркопцев-пленников хан

Загоняет в загон, как скот,
 Не дает воды ни глотка,
 Не дает еды ни куска,
 Злобствует, как дикий кабан,
 Рвет и мечет,
 В застенках жжет,
 Вьет-калечит
 Свой же народ;
 Обезумев, берет в войска
 Стариков и малых детей;
 От коня высоких статей
 До цыпленка — хватает все.
 И в народе говор идет:

«Родовое добро — отдай!
 Золото-серебро — отдай!
 И седло и узду — отдай!
 И котел и сковороду — отдай!
 Головной платок — отдай!
 Из косы шнурок — отдай!
 Рванный прадедовский чекмень,
 Сыромятный гнилой ремень,
 Сломанное колесо,
 И халат и малахай,—
 Все! Все! Все! Все!
 Все постылому отдай,
 Ничего не утай!

А, будь прокляты дни твои,
 Хан-палач, тиран-истукан!
 Иль пшеница тебе не впрок,
 Что воруюешь у нас бурьян?
 Иль парча
 Тяготит плеча,
 Что неспряденной шерсти клок

Вырываешь из рук у нас?

Горе жить под ханом таким,
Под лихим шайтаном таким:

Кто бы нас от гибели спас?

Если б у ворот городских
Стали воины Гулаим,
С ними бой затевать — не нам,
В них из луков стрелять — не нам,
Копья в них метать — не нам!
Нам сказать бы им как друзьям:
«Смерть разбойнику Суртайше!»
Ну-ка силы соединим.
День пришел посчитаться с ним!»

День пришел, когда Гулаим
Вкруг мушкильских каменных стен
Шумный свой раскинула стан.
Как солому, девы-стрелки
Сыплют стрелы на Мушкил.
Стены высоки,
Враг незрим.
Тих Мушкил.

Девушка-батыр Гулаим
К самой крепости подошла,
Над челом
Подняла шелом,

Приложила ухо к стене
И услышала в тишине
Голос матери — вопль и стон,
Голос матери — плач и крик.

Он в сыром зиндане возник
И до слуха Гулаим
Сонным ветром был донесен.

К ледяным камням крепостным
Гулаим прильнула в слезах,
Захлебнулась в потоке слез...

Подбежал к ней Арыслан,
Подхватил —
И на руках
В белоснежный шатер отнес,
Обратился к милой своей
Со словами таких речей:

«Рыданья рвущиеся сдержи в груди!
Не смерть-губительница — жизнь впереди!
Воспрянь, бестрепетная, и свой народ,
В плену измучившийся, освободи!

Врага зазнавшегося мечом карай,
А слез невыплаканных — не выдавай!
Всей силой мстительности воспомяни
Пустыню страждущую — родимый край!»

И от этих слов — другим
Гулаим показался мир,
Будто прежние цвета
Возвратил ему Арыслан.
И припомнила Гулаим
С детства милые ей места —
Заросли в горах, —
Ширь лесных полян,
И Саркоп, и юрты отца,

И прекрасный Миуели,
И степной простор без конца,
С небом слившийся вдали...
Молнии меча из глаз,
Гулаим отдает приказ:

«На коней! На этот раз
Враг не скроется от нас!»
Встреча стрел.
Встреча пик.
Встреча мечей.
Встреча кольчуг.
Встреча очей,
Рук,
Плеч.
Сеча вокруг —
Сеча из сеч,
Встреча смертей,
Той силачей.

Мертвому негде лечь.
Пал
Крепостной вал.
Встал
Черногранитный утес.
Арыслан мечом его снес.

Новая преграда встает:
Створы черночугунных ворот
На чернодубовых столбах
Загораживают проход
В город, где спасителей ждет
Суртайшой казнимый народ.
Тут снесенный утес берет
В руки мощные Арыслан,

И утес у него в руках
Превращается в таран.
И ворота гудят, гудят
И качаются на столбах —
Гнутся то вперед, то назад;
Свод небесный гудит им в лад,
Ад гудит им в лад,
И вот
Лопаются створы ворот,
Только мелкие черепки
Разлетаются дождем...

Гулаим говорит;

«Войдем!»

Входят в черноюртный Мушкил
И бросаются за врагом.
Здесь жестокий хан казнил
И саркопцев, и свой народ.
Душный пар стоит кругом.
Вот тела казненных.
Одни
Перерублены топором
Пополам:
Эти напоминают пни.
У других ни ног, ни рук:
Эти напоминают слуг —
Коленопреклоненных,
С челом,
В пол упертым...

Груды голов
С пеной недосказанных слов
На полуотверстных устах,

С красной солью слез на слезах...

Груды тел без головы...

Виселицы о трех жердях,
И свисающие с них
Мертвые, на плоды айвы
Столь похожие...

Мертвые — и нет им числа!

Много, много на свете зла!

Далее уже не могли
Ханские полки отступить.
Шел бой за каждую пядь
Каменной мушкильской земли.
Сталь не уставала сверкать,
Красные потоки текли...
Между тем батыр Сарбиназ,
Пролетев сквозь тучу стрел,
Невредима, пересекла
Копий вражеских частый лес
И сошла у ханских дверей
Наземь с боевого коня,
Как заря с престола небес,
И такую речь повела:

«Пристало ль батыру стоять у дверей
И ждать появления особы твоей?
Я послана мстительницей Гулаим:
Эй ты, Суртайша, выходи поскорей!

Склонись перед стягом Саркопа во прах,
Пока у тебя голова на плечах!

Бунчук твой железной рукой проломлен,
Тебя не спасет ни шайтан, ни аллах!

Ты спишь, а в Мушкиле — бестрепетный лев,
Могучий вожатый воинственных дев.
Злодей, ты падешь от меча Гулаим:
Грозна ее мощь и велик ее гнев!»

Эту речь услышал хан
И, услышав, подскочил,
Как подстреленный джейран,
Меч схватил и засучил
Выше локтя рукава,—
Необут-неумыт
По дворцу бежит,
По дворцу бежит —
Весь дворец дрожит,
Валяются рабы, как трава.

Выбегает хан из дверей,
Перед ним стоит Сарбиназ.
Он взглянул на Сарбиназ,
И озноб его затряс,
И ногами он застучал,
И схватился крепче за меч,
Громким голосом закричал,
Непотребную начал речь:

«Потаскуха! Ведьмина дочь!
Клещевитая овца!
Убирайся отсюда прочь!
Не погань дворца!

Как ты смеешь дерзкой рукой
Меч пред ханом обнажать?

Как ты смеешь ханский покой
Грубым словом нарушать?
Как ты смеешь хану мешать
Сон вкушать? Худо знаешь,
Сарбиназ, Хана своего, Суртайшу!
Вон отсюда сей же час,
А не то — задушу!»

Меч при этих наглых словах
Вспыхнул у Сарбиназ в руках,
Точно молния в облаках;
И назад попятился хан,
Потому что взял его страх.
Тут посланница Гулаим
Зажимает сердце в кулак
И надменному хану так
Молвит голосом громовым:

«Эй ты, хан Суршайтан, закрой свою пасть;
Я ногами твою попираю власть,
Я тебе, окаянный, не рабья кость,
Не тебе моей кровью напиться всласть!

Гулаим не желает народу зла
И в столицу твою не затем вошла,
Чтоб народ неповинный карать-казнить
И обители мирные жечь дотла.

Не шути с Гулаим, кровопийца-хан!
Мы твой эль пошадим, кровопийца-хан,
Твой престол — сокрушим! Мы в степи хотим
Биться с войском твоим, кровопийца-хан!

Если скажешь: не ждал нападения, — ложь!
Ты давно уже мстителей втайне ждешь.

Если скажешь: напали из-за угла! —
На колени падешь и, как пес, умрешь!»

В стан сестры своей Гулаим
Ускакала Сарбиназ,
И взъярился жестокий хан.
Джинном бешенства одержим,
Побежал по покоям он,
Ничего кругом не щадил;
С диким лаем и воем он
Драгоценную утварь бил,
Ткани тонкие раздирал
И, очнувшись в конце концов,
На престол вскочив, заорал:

«Эй, позвать ко мне мудрецов!»

На призыв пришли мудрецы —
Лисы, лизоблюды, льстецы,
Прихлебатели и лжецы.

Суртайша им сесть приказал
И такое слово сказал:

«Советники! Меркнет в глазах моих свет.
Мне воздуха мало. Мне роздыха нет.
Когда успокоится скорбный мой дух?
Куда мне уйти от бесчисленных бед?

Войска у Дербента костью полегли.
Врага мы к покорности не привели.
А, будьте вы прокляты, сорок волчиц
Из грязного логова Миуели!

Что делать? Точить ли мечи поострей

Иль сесть на коней да бежать побыстрей?
Как быть, посоветуйте, как поступить?
Бунчук мой в опасности; враг у дверей!

Еще меня мучит сомненье одно,
Как злой скорпион меня, жалит оно:
Ужели сбывается вещей мой сон?
Изменишь ли то, что судьбой решено?»

Тут один из мудрецов —
Самый мудрый, самый седой,
Самый хилый, самый худой,
Говорит:

«О властитель мира, щит мой и покров!
Нам теперь, пресветлый, не до вещих снов.
Гулаим погибнет, но немало с плеч
Свалится дотолле удалых голов.

Наше дело — пытки, казни, грабежи,
Плети да удавки, пики да ножи.
Но, самобунчужный повелитель мой,
Можно ли иначе ханствовать — скажи?

Если ты наездник, жребий твой — седло.
Может быть, и правда, что, содеяв зло,
Черною печатью предстоящих бед
Мы себе мараем белое чело...

Не тужи, премудрый, не печалься так!
Повели народу подтянуть кушак,
Созови батыров, изостри свой меч,—
Будет опрокинут ненавистный враг.

А когда с победой мы придем домой,

Гулаим прирежем и устроим той,
Подати умножим, усмирим рабов...
Так я полагаю, повелитель мой!»

И тогда сказал Суртайша:

«Эта речь и впрямь хороша,
Я об этом думал и сам...
О друзья мои, вознесем
Страстные мольбы к небесам,
Чтобы нам удача во всем
Ныне и до смерти была,
Чтобы в предстоящем бою
Воинов победа ждала.
Я судьбе, смирясь, предаю
Свой престол и душу свою».

Между тем батыр Сарбиназ
Мчалась на тулпаре гнедом,
Раздвигая копыя мечом
И щитом оборонись
От каленых разящих стрел.
По следам ее Азраил
Белостолпной бурей летел,
Крылья стер и отстал...
И вот
Сарбиназ подробный отчет
Благородной Гулаим
О посольстве своем дает.
Гулаим,
Смуглолицую Сарбиназ
Поблагодарив, говорит
Сорока подругам своим:

«О мои бесстрашные львы!

Суртайша, жестокий зверь,
 Станет буйствовать теперь,
 Не бездействуйте и вы.
 Захватите город весь.
 Дайте всем и пить и есть,
 И пускай из веси в весь,
 В град из града весть идет,
 Что на свете правда есть,
 И пускай вокруг меня
 Собирается народ:
 Вместе будем супротив
 Злого хана воевать,—
 Да не будет мучитель жив!
 Да исчезнет кровавый тать!»

* * *

Трубы трубят,
 Стяги шумят,
 Начинается новый бой —
 Рубится Гулаим с Суртайшой.

Рубится с Суртайшой Гулаим,
 Утвердив на снегу стопы;
 Искры вспыхивающие, рось,
 В воздухе стоят, как снопы;
 Рубится с Суртайшой Гулаим
 И прислушивается, рубясь,
 К возгласам своего меча,
 И зазубривается, звуча,
 Меч ее, как серп,
 И другой
 Меч зазубривается, чертя
 В воздухе дугу за дугой,

За удар ударом платя.

У батыров глаза, как жар,
Ярой ненавистью горят.

Звон,

Свист,

Лязг,

Удар — за удар!

И осколки стальных мечей
Сыплются, словно частый град;
Силы рубящихся — равны.
Трое суток рубка идет,
Верха ни один не берет.

Ветви огненной купины,
Выращенной лязгом клинков,
Доросли до горных высот.
И рычат батыры, гневясь,
И бросают мечи в ножны.

Нетерпением обуян,
Цепью в тысячи три звена
Крепко свой неохватный стан
Стягивает жестокий хан.

Трубы трубят,
Стяги шумят,
Начинается борьба,
И глядит на борцов судьба,
И железо сплетенных рук
Раскаляется докрасна,
И в один слепительный круг
Дни сливаются.
Тает снег,
И сменяет зиму весна;

Степь цветет, и птицы поют,
 И, в зеленой траве шурша,
 Пестрые букашки снуют;
 И осиливает Суртайша
 Благородную Гулаим,
 И, подняв ее к небесам,
 К этим голубым, золотым,
 Трепетным небесам,
 К облакам,
 Белым, словно ягнята,—
 И летела она к земле,
 Как падучая звезда,
 А когда
 В трех аршинах земля была —
 Вывернулась на лету,
 Стала на ноги и пошла
 На врага,
 И — как сокол клюв,—
 Ногти в чреве врага сомкнув,
 К солнцу Суртайшу подняла,
 И метнула вниз,
 И в песок
 Вбила вниз головой по крестец.

Тут ему и пришел конец,
 И навек забудем о нем!
 Лучше, милые, поглядим,
 Как над степью солнце встает;
 Поглядим, как за пядью пядь
 Молодая трава растет,
 Поглядим, как старуха мать
 Обнимает Гулаим,
 Как спасенный ею народ
 Плачет, и смеется, и льнет
 К дочери любимой своей,

Поглядим на лица детей,
Взглянем на хорезмийского Льва,
Милого супруга ее,
И на сорок ее подруг;
И с любовью благословим
Благородную Гулаим.
Да ликует ее супруг,
И да будет она жива
В песнях и в потомстве своем!

Трубы трубят,
Стяги шумят,
Струны звенят,
Струнам в лад мы славу поем.
Меч народа — непобедим!
Дух народа — несокрушим!
И на этом, друзья мои,
Обрывается дастан.

Слава, слава Гулаим!
Слава Гулаим!

Был из племени Муйтен
Вдохновенный певец Жиен,
И каракалпакский народ
Много песен его поет.
Славу и ему воздадим:
Это он сложил дастан
О прекрасной Гулаим.

Слава, слава тебе, Жиен!
Слава тебе, Жиен!

СОРОК ДЕВУШЕК

Каракалпакский народный эпос «Сорок девушек» («Кырк кыз») — уникальное явление среди эпических памятников устной поэзии тюркоязычных народов. В отличие от всех известных нам произведений устной и письменной поэзии Востока, в каракалпакском эпосе женщины выступают не только в роли спутницы мужчины — его возлюбленной и соратницей, но также и самостоятельными защитниками интересов своего народа и отчизны.

Главная героиня эпоса Гулаим — воительница-полководец, возглавив отряд в сорок девушек, таких же храбрых и искусных, как и она, строит неприступную крепость Миуели и ведет бесстрашные бои против чужеземных поработителей.

Память каракалпакских племен, унаследованная от далеких древних предков о «степных амазонках», о храбрых женщинах кочевых племен, которые в течение столетий делили с мужчинами заботы и тяготы многодневных походов и непрерывных военных столкновений, соединилась воедино с впечатлениями поздних времен о кровавых столкновениях как с иноземными завоевателями, так и с алчными ханами и баями.

В эпосе отразилось народное восприятие вторжения джунгар и иранского шаха Надира в пределы Хорезма в середине XVIII века.

Роль богатырей — защитников народа и его достоинства выпала на долю храбрых воительниц во главе с полководцем сорока девушек красавицей Гулаим.

Возвеличивание женщины не только за красоту, но и за храбрость и мудрость, ярко выраженное в этом эпосе, убедительно свидетельствует о его древнейшем доисламском происхождении. Одновременно эпос

впитывал в свою повествовательную ткань позднейшие, прогрессивные устремления народа, его антибайский, демократический характер.

Данный вариант эпоса записан в 1940 году, в Турткульском районе Каракалпакской АССР, со слов известного сказителя Курбанбая Тажибаева, каракалпака из рода Мангыт.

В настоящем издании фрагменты из каракалпакского эпоса в русском переводе А. Тарковского печатается по изданию: «Сорок девушек», ИХЛ, 1956.

Дастан — эпическая поэма.

Зиндан — подземелье, темница.

Кобыз — музыкальный инструмент.

Чекмень — шерстяной халат.

Эль — страна, народ.